

Глава 8. Сюаньцин

Бай Юйтан был из тех людей, что неизменно притягивали к себе взоры.

Мужчины ценили его за безудержную удаль и строптивый нрав, пусть порой его надменность и переходила все границы. О женщинах и говорить нечего: Пятый господин Бай — от статной внешности до острого ума, от широты души до несметных богатств — был пределом их мечтаний.

В мире рек и озёр редко кому удаётся остаться самим собой, но Бай Юйтан стоял особняком. Нельзя сказать, что его любили все поголовно — скорее наоборот, тех, кто втайне питал к нему лютую ненависть, хватило бы на целую армию. Однако...

Никто не осмеливался произнести это вслух.

Слишком многие лишились жизни лишь за то, что имели неосторожность сказать при Пятом господине нечто, пришедшееся ему не по вкусу. Он был истинным вестником беды, и большинство случайных встречных предпочитали обойти его стороной, лишь бы не навлечь на себя гнев «Белого сокола».

Но каким бы грозным ни был Бай Юйтан, это ничуть не мешало соратникам Чжань Чжао из его родной школы смотреть на него с нескрываемым раздражением. Слишком уж они пеклись о своём младшем собрате.

Особенно усердствовал тот, кого Чжань Чжао назвал «вторым старшим братом». Ни Циньян, чьё лицо обычно напоминало застывшую глыбу льда, при виде Бая мгновенно терял самообладание, и на его лице проступало глубочайшее презрение.

Бай Юйтан искренне не понимал, чем успел так насолить всей школе Чжаня разом.

— Послушай, котяра...

Договорить ему не дали. Ни Циньян взмахнул широким белым рукавом, и Чжань Чжао, неловко качнувшись, невольно отступил от Бай Юйтана.

Пятый господин внутренне напрягся. Движение было едва уловимым, но выдавало в незнакомце мастера высочайшего уровня.

— Сюаньцин, пойдём со мной, нужно найти Сюаньтин, — ледяным тоном произнёс человек в белом. — После того, что случилось в Сяньяне, она не успокоится, пока сама не осмотрит твои раны. Иначе здесь всё взлетит на воздух...

Бай Юйтан нахмурился. Он не понимал ни слова: имена, которые называл этот человек, были ему совершенно незнакомы. Он даже не был уверен, к кому тот обращается.

— Кто такой этот Сюаньцин? И кто такая Сюаньтин?

Ни Циньян на мгновение замер и чуть смягчился, хотя во взгляде всё ещё сквозила горечь.

— Тебе лучше этого не знать. И впредь не смей докучать Сюаньцину.

«Да что это ещё за Сюаньцин такой?!» — Бай Юйтан едва сдерживался, чтобы не взорваться от негодования.

И тут он увидел, как Чжань Чжао едва заметно поджал губы.

— Брат Бай, Сюаньцин... это я.

Ответ был не из приятных. Но раз это произнёс Чжань Чжао, значит, так оно и было. Он не умел лгать. Но всё же...

— Почему вдруг ты стал Сюаньцином?! — вскипел Бай.

Он в негодовании указал своим веером из белого нефрита, воплощением его щегольства и беспечности, на молодого человека в синем шелке.

Сколько ещё тайн скрывал от него этот «императорский кот»? Сколько недомолвок он таил в глубине души, не желая ими делиться?

Бай Юйтан ощутил мимолётное смятение. Было ли у них вообще будущее, если Чжань Чжао вечно воздвигал между ними невидимые стены?

Вопрос Бая прозвучал резко, быть может, чересчур, но в сложившейся ситуации это казалось оправданным. Даже сам Чжань Чжао не мог понять, естественна такая реакция или нет.

Он лишь опустил глаза. Некоторые вещи он скрывал не по злему умыслу — просто старался о них не вспоминать.

— Чжань всегда был Сюаньцином.

На душе у Бай Юйтана стало тяжело. Та легкость, с которой он недавно входил в комнату Хун Сюань, бесследно испарилась. Гнев и обида сплелись в тугой узел в груди, не давая ни вздохнуть, ни выругаться.

— Чжань Чжао, сколько ещё ты собираешься от меня скрывать? — голос Бая стал опасно низким.

Чжань поднял глаза. В его глубоких коричневых зрачках отражался человек в белом. На первый взгляд он был спокоен, но Пятому господину почудилось, что в этой глубине бушует океан.

Он снова что-то утаивал.

Бай Юйтан потянулся к нему, но дорогу преградила красная вспышка. Хозяйка заведения, Лин Хун, лениво улыбнулась, и в её глазах промелькнула насмешка:

— Пятый господин Бай, я ценю ваше внимание к моему скромному заведению, но позвольте напомнить: Сяо Цзю — не девка из моего павильона. Негоже вам так забавляться с ним.

Бай Юйтан открыл было рот, но слова застряли в горле. Неужели со стороны его обращение с Чжань Чжао походило на то, как он привык вести себя с цветочными девами в весёлых кварталах?

Дурная привычка, если так.

— Бай Юйтан, в этом мире многое делается по необходимости, — Ни Циньян заговорил неожиданно мягко, перестав сыпать искрами неприязни. — Наша школа, быть может, и не так знаменита, как прежде, но в ней состоят люди дела. До того, как учитель нашёл нас, каждого из нас считали... чудовищем.

Пятому господину стало не по себе от этого менторского тона, но он заставил себя слушать.

— Не всем повезло родиться в любви и заботе, как тебе. Не всех баловали до самой зрелости. Ты и представить не можешь, каково это — жить изгоем, которого боятся. Сюаньцин не хочет вспоминать об этом, и я его понимаю.

Чудовищем? О чём он вообще?

Бай Юйтан перевёл взгляд на Чжань Чжао. Тот уже вернул себе привычную мягкую улыбку, но Баю казалось, что теперь его друга окутывает непроницаемая дымка.

— Брат Бай, я и сам смутно помню годы своего детства, — с тихой грустью произнёс Чжань. — Но чувства... они остались. Это не те воспоминания, которыми хочется делиться. Прошу тебя, не спрашивай больше.

В его голосе звучала обречённость.

Бай Юйтан криво усмехнулся, глядя на него и не находя слов. О прошлом Чжань Чжао он не знал ровным счётом ничего. Всё их знакомство умещалось в рамки вражды и соперничества между «Парчовой мышью» и «Императорским котом». А что было до того?

Кто ждал его дома? Что он пережил? Тьма.

— Сюаньцин, пойдём. Учитель и Сюаньжун придут через несколько дней...

Чжань Чжао чуть склонил голову, раздумывая, а затем кивнул. Он обернулся к Баю:

— Брат Бай, возвращайся в управу. Передай господину Бао и секретарю Гунсуню, что я в безопасности. Как только четвёртой старшей сестре станет лучше, я сразу вернусь.

Бай Юйтан лишь вскинул бровь и, коротко хмыкнув, круто развернулся. Дверь за ним захлопнулась с тяжким стуком.

Он ведь хотел поговорить с этим котом, хотел выяснить, какое место занимает в его сердце... А в итоге не узнал ничего.

Проклятые школы, проклятые тайны.

Бай Юйтан вскинул руку, словно пытаясь отмахнуться от палящего солнца, безжалостно бившего в лицо. На душе было муторно.

Чжань Чжао скрывал слишком много. И пусть Пятый господин знал, что придёт время и Чжань расскажет всё сам, ожидание было невыносимым.

Но больше всего его тревожило это слово, обронённое незнакомцем с такой горькой усмешкой.

«Чудовища».

Неужели его коту когда-то пришлось перенести ту боль и унижение, что выпадают на долю тех, кого считают иными?

<http://bllate.org/book/17406/1656992>